

Дремлющая жизнь

Автор:

[Рут Ренделл](#)

Дремлющая жизнь

Рут Ренделл

Старший полицейский инспектор Вексфорд #10

Инспектор Вексфорд сталкивается с рядовым на первый взгляд делом: в сассекской глубинке обнаружена заколотая женщина. Кажется, что в расследовании не будет проблем, однако инспектор быстро натывается на глухую стену. В округе живут знакомые погибшей, вот только имя, под которым она тут известна, вымышленное, а ее домашний адрес никто не знает. Становится ясно, что жертва вела двойную жизнь. Как прикажете расследовать дело, если круг знакомств, возможные мотивы преступления и даже сама личность убитой – все это осталось в другой жизни, тайну которой она унесла в могилу?..

Рут Ренделл

Дремлющая жизнь

© Резник С. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

* * *

Элейн и Лесли Грэй с любовью и благодарностью

Кого мы любим, те и губят нас,
Ведь наши жизни дремлют в их руках.
О, ты так высоко воздвигла Зло,
Что все твои грехи оно затмило.

Ф. Бомонт и Дж. Флетчер «Трагедия девушки»

Глава 1

В кои-то веки он вернется домой пораньше. Может быть, теперь, когда наступило летнее затишье и даже в газетах печатают сплошные глупости, он вообще начнет приходить домой вовремя? Ведь в августе все стремятся в отпуск, не только законопослушные граждане, но и преступники. Уже повернув к дому, Вексфорд вспомнил, что у них гостят внуки. Отлично! До темноты оставалось, по крайней мере, часа три, и можно было успеть сходить с Робинсом и Беном на реку. После того как мать прочитала Робину «Ветер в ивах», тот все время твердил о реках, горя желанием повстречать как-нибудь водяную крысу.

У дверей была припаркована машина Сильвии. Вексфорду это показалось странным. Он полагал, что Дора взяла мальчиков на всю вторую половину дня, включая вечер, и что они останутся на ночь. Едва он притормозил рядом с автомобилем дочери, в дверях показалась она сама с вопящим Беном на руках. За ней по пятам шел шестилетний Робин, выглядящий крайне недовольным. Завидев деда, он бросился к нему.

- Ты ведь обещал, что мы пойдем смотреть на дядюшку Крыса!

- Что до меня, то я не против, если тут водится хотя бы одна крыса. Думал, вы с Беном переночуете у нас.

Лицо Сильвии было пунцовым, то ли от злости, то ли просто от спешки. Вдобавок еще и солнце припекало.

- Ну так вот, не будет этого, - резко сказала она. - Благодарите моего дорогого муженька. Никто никуда не пойдет, хотя сегодня - годовщина нашей свадьбы. Да заткнись ты наконец, Бен! Вместо этого он, видите ли, пригласил к нам на обед клиента, и теперь мне придется готовить и следить за детьми.

- Почему бы тебе все-таки не оставить малышей с нами? - спросил Вексфорд.

- Да! Оставь нас тут! - заорал Робин. - Езжай одна!

- Нет, об этом не может быть и речи. Зачем ты им потакаешь, папа? Я забираю их домой, это решено. Уверена, Нил будет совершенно счастлив хоть раз в жизни самостоятельно уложить детей спать.

Она затолкала обоих в машину, и они уехали. Стекла были опущены, к плачущему Бену присоединился его брат, и дружный рев мальчиков слился с натужным рычанием двигателя. Вексфорд пожал плечами и пошел в дом. Очевидно, произошел какой-то скандал, но, насколько он знал свою жену, вряд ли она будет сильно этим расстроена. Как он и ожидал, Дора преспокойно сидела в гостиной, досматривая какую-то детскую телепередачу. Куча книг валялась на полу, на одной из стопок восседал плюшевый мишка.

- Какая муха укусила Сильвию?

– Борется за права женщин, – ответила Дора. – Если Нил приводит домой гостя, значит, он сам должен готовить еду. То есть вернуться домой пораньше, навести порядок и накрыть на стол. Она и детей-то забрала с единственной целью: заставить его уложить их в постель. И уж Сильвия постарается довести их до такого состояния, чтобы Нилу это легко не удалось.

– О господи. А я всегда считал ее вполне разумной девушкой.

– У нее просто пунктик насчет мужского шовинизма. Вот уже несколько месяцев. Мол, вы – такие, а мы – другие, вы – господа, а мы – ваша собственность.

– Почему ты раньше мне не рассказывала?

Дора выключила телевизор.

– Ты был занят. И не захотел бы, возвращаясь вечером домой, выслушивать всю эту чепуху. Мне же пришлось заниматься этим каждый день.

– А это именно чепуха? – приподнял бровь Вексфорд.

– Ну, не совсем, конечно. Мужчинам по-прежнему живется куда проще, чем женщинам, наш мир так и остался сугубо мужским. Как я понимаю, нашей дочери не нравится, что она застряла дома с мальчиками и «губит свою жизнь», в то время как Нил продвигается по карьерной лестнице, – улыбнулась Дора. – Сильвия постоянно вспоминает, что училась гораздо лучше его. Естественно, ей обидно, когда приходят гости и мужчины беседуют с Нилом об архитектуре, а их жены с ней – о полировке мебели в спальне. Ох, как же я ее понимаю!

Муж пристально взглянул на нее.

– Так ты чувствуешь то же самое?

– А вот это уж мое дело, – ответила Дора, смеясь. – Ладно, оставим в покое нашего трудного ребенка. Раз ты так рано вернулся, мы могли бы пойти куда-нибудь после ужина. Хочешь?

– С удовольствием. – Он немного запнулся. – Ведь все это не угрожает их браку, надеюсь? Я думал, они счастливы.

– Вернее всего, это пройдет. Если мы с тобой теперь как-то вмешаемся, сделаем только хуже, согласен?

– Конечно. Так куда пойдём? В кино или... Как насчет театра на открытом воздухе в Суинбери?

Прежде чем она успела ответить, зазвонил телефон.

– Наверняка Сильвия, – сказала Дора. – Заметила, что Бен забыл своего мишку. Ответь лучше ты, дорогой. И скажи ей, Редж, что мы сами завезем игрушку. Еще одного заседания «Клуба угнетенных жен» я сегодня не выдержу.

Вексфорд поднял трубку. Звонила не дочь. Дора поняла это сразу, еще прежде, чем муж заговорил. Она хорошо знала этот взгляд. Все, что он ответил, было: «Да!» и «Конечно, я буду!», но она уже все поняла. Он повесил трубку и произнес:

– Не все в августе уходят в отпуск. В поле нашли тело, в полумиле отсюда.

– Неужели?..

– Нет, не из наших, – сухо ответил Вексфорд. – Кто-то из приезжих.

Он вновь затянул галстук и одернул рукава рубашки.

– Извини, я должен идти. А ты чем займешься? Опять будешь настраивать телевизор и перепутаешь все каналы, так что я потом ничего не найду? Дора, ты не жалеешь, что вышла за меня замуж?

– Пока нет, но я над этим работаю.

Вексфорд рассмеялся, поцеловал жену и поехал обратно на службу.

Кингсмаркхэм – довольно крупный город, расположенный прямо в центре Сассекса. Он сильно застроен теперь, особенно в районах Стовертона и Суинбери. Впрочем, на севере по-прежнему остаются нетронутые сельские участки. Там, где Хай-стрит переходит в Помфрет-роуд, на холмах раскинулся Черитонский сосновый бор. Лесная улица – Форест-роуд – последняя на окраине, имеющая почтовый индекс Кингсмаркхэма. Она непосредственно продолжает Помфрет-роуд, и, чтобы добраться туда, немногие ее обитатели ходят напрямую по дорожке, идущей от конца Хай-стрит и дальше через поле.

Вексфорд остановил машину в том месте Лесной улицы, где на аллею вблизи ограды нескольких строений, носящих общее название вилла «Карлайл», выходила лесная тропинка. Он прошел по аллее, затем по самой тропинке вдоль высокой изгороди из бирючины.

Примерно в ста ярдах перед собой он увидел группу мужчин, собравшихся на опушке небольшой рощицы. Среди них были инспектор Майкл Берден, доктор Крокер – полицейский врач и несколько фотографов. Заметив Вексфорда, Берден пошел ему навстречу и что-то произнес вполголоса. Вексфорд кивнул. Не глядя на тело, он направился к детективу-констеблю Лорингу, стоявшему несколько в стороне. Рядом наблюдался молодой человек, выглядевший бледным и потрясенным.

– Вы мистер Паркер?

– Да.

– Как я понимаю, именно вы нашли тело?

Паркер кивнул.

– Если быть точным, мой сын.

Самому Паркеру вряд ли было больше двадцати пяти.

– Значит, ребенок, – констатировал Вексфорд.

– Он еще ничего не понимает. По крайней мере, я на это надеюсь. Ему всего лишь шесть лет.

Сели на деревянную скамейку, установленную городским советом для отдыха пенсионеров.

– Расскажите мне, как все произошло.

– Я повел сына прогуляться к моей сестре, пока жена укладывала двух других детей в постель. Мы живем в одном из тех бунгало на Лесной улице. «Белла Виста», знаете? С зеленой крышей? Мы уже возвращались домой, по пути Ники играл, и его мячик закатился куда-то в высокую траву под изгородью. Он побежал за ним и позвал меня: «Папа, тут лежит какая-то леди!» Я сразу почувствовал неладное, сам не знаю почему. Подошел, увидел, и... Ну да, знаю, что не должен был, но... В общем, я запахнул жакет на ее груди. Поймите, Ники – ему всего шесть, а тут, ну, вся эта кровь и непотребство.

– Понимаю, – сказал Вексфорд. – А больше вы ничего не трогали?

Паркер замотал головой.

– Я сказал Ники, что леди заболела, но мы быстренько пойдем домой, позвоним врачу, и все будет хорошо. Не думаю, что он что-нибудь понял. Очень на это надеюсь. Так что я отвел его и позвонил вашим людям. Клянусь, если бы был один, то никогда бы к ней не прикоснулся.

– Конечно, у вас была причина, мистер Паркер. – Вексфорд доброжелательно улыбнулся. – На вашем месте я бы поступил точно так же.

– А Ники не придется... Я имею в виду, ведь будет расследование, правда? То есть я знаю, что сам должен буду пойти, но...

– Нет-нет! Господи, нет, конечно. Отправляйтесь сейчас домой, мы встретимся с вами попозже. И спасибо вам за помощь.

Паркер поднялся, посмотрел на фотографов, суетящихся вокруг тела, и обернулся к Вексфорду.

– В общем-то, это не в моих правилах... Ну, я имею в виду, что знаю, кто она. Может быть, вы не...

– Нет, мы еще не в курсе. И кто же она?

– Мисс Комфри. На самом деле она здесь не живет, здесь обитает ее папаша, – Паркер кивнул на живую изгородь. – На вилле «Карлайл», в том доме, что выкрашен в голубой цвет. Она, должно быть, приехала его навестить. Старик недавно угодил в больницу – сломал бедро. Наверное, она шла к нему.

– Спасибо, мистер Паркер.

Вексфорд пересек песчаную дорожку. Берден чуть отступил в сторону, чтобы дать ему взглянуть на тело. Это оказалась женщина средних лет, тощая, но ширококостная. С сильно накрашенным лицом: густо намазанные алой помадой губы, на веках – полосы синих теней, отвратительные охристые пятна тонального крема выделялись на лбу и впалых щеках. Серые глаза остались широко распахнутыми, и Вексфорду почудилось в них какое-то сардоническое выражение, вроде как презрение, заметное даже после смерти. Впрочем, скорее всего, это было только игрой его воображения.

Из-под туго повязанной синей косынки выглядывала темная челка. На женщине было голубое с розовым платье из какой-то синтетической ткани и в тон к нему жакет, запахнутый теперь на груди. Одна туфля на высоком каблуке слетела с ноги, застряв в путанице ежевичных побегов. У бедра лежала большая красная сумка. На руках – ни часов, ни колец, но на шее висели крупные красные стеклянные бусы. В тот же алый цвет были окрашены и ее короткие ногти.

Вексфорд опустил на колени и, обернув пальцы платком, открыл сумку. Внутри обнаружились: брелок с тремя ключами, коробок спичек, пачка длинных сигарет – четырех не хватало, помада, старомодная пудреница, бумажник и немного мелочи на дне сумки. Ни косметички, ни записной книжки, ни документов.

В дорогом новом бумажнике черной кожи лежали сорок два фунта. Значит, убили не из-за денег. При ней не было ничего, что указывало бы на адрес, место работы или хотя бы имя. Ни банковских карточек, ни чековой книжки. Он закрыл сумку и распахнул жакет. Лиф платья потемнел от запекшейся крови, но две

дыры в ткани, указывающие на колото-резаные раны, были ясно видны.

Глава 2

Вексфорд поднялся на ноги, и его место занял врач, в свою очередь опустившийся на колени у трупа.

– Оружие пока не обнаружено, как я понимаю? – спросил Вексфорд.

– Нет, сэр, – ответил констебль Лоринг. – Хотя у нас еще не было времени как следует поискать.

– Что же, тогда берите Гейтса и Марвуда и принимайтесь за поиски. Ищите что-то вроде ножа, – приказал Вексфорд, думая, что шансов найти орудие преступления немного. – Ну а когда окончательно убедитесь, что ничего не нашли, обойдите все дома по Лесной, кроме виллы «Карлайл» и дома, где живет этот Паркер – туда загляну я сам вместе с инспектором Берденом. Постарайтесь разузнать все о ней и ее передвижениях. Как давно она умерла, Лен?

– Только, ради бога, не требуй сейчас никакой точности. Трупное окоченение уже полностью выражено, но ведь сейчас довольно жарко, поэтому процесс наверняка проходил быстрее. Я бы сказал, что смерть наступила, по крайней мере, восемнадцать часов назад, а то и больше.

– Хорошо, – сказал Вексфорд и повернулся к Бердену. – Пойдем, Майк, здесь нам с тобой делать больше нечего. Думаю, правильнее всего сначала заглянуть на виллу «Карлайл», а потом – к Паркерам.

Формально должность Майкла Бердена позволяла ему не сопровождать главного инспектора на вызовы, но он все равно это делал, потому что именно так они привыкли работать, и это приносило свои плоды. Они всегда так действовали, и будут действовать, что бы там ни ворчал начальник полиции Гризвольд.

Этих высоких мужчин разделяла двадцатилетняя разница в возрасте. Когда-то они отличались друг от друга столь разительно, что это производило комический эффект. Но потом Вексфорд сильно похудел, став чуть ли не тощим, а Берден и прежде не отличался плотным телосложением. Пожалуй, из них двоих Берден был привлекательнее: мужчина с классическими чертами лица, которое, впрочем, несколько портило постоянное суровое выражение, свидетельствующее, очевидно, о немалом жизненном опыте. Вексфорд же был довольно невзрачен, но всегда притягивал женские взгляды своей живостью, умом, силой и, невзирая на солидный возраст, юношеским задором.

Бок о бок они молча шагали по тропинке в сторону Лесной улицы. Обсуждать пока было нечего. Конечно, женщина была мертва, но убийство для полицейских – это не конец, а только начало истории. Жизнь того, кто умирает естественным путем, исчезает вместе с его телом. Жизнь же этой женщины, наоборот, будет вытащена из темноты на свет и просеяна через мелкое сито, словно биография какой-нибудь знаменитости.

Пройдя по аллее, они свернули направо и оказались перед двумя домами, точнее, коттеджами, там, где Вексфорд оставил свою машину. Дома объединял общий фронтон, табличка на котором оповещала о годе постройки и названии: «Вилла Карлайл, 1902». Почти не надеясь на ответ, Вексфорд постучал в дверь, выкрашенную голубой краской. Ни звука. Никто не отозвался и после того, как они позвонили в соседнюю дверь, куда более стильную и претенциозную, из кованого железа и матового стекла.

Немного разочарованные постигшей их неудачей, полицейские перешли через дорогу. Лесная улица была тупиком, заканчивающимся каменной стеной, за которой простирались луга и начинался собственно лес. Кроме виллы «Карлайл», здесь имелись еще дюжина скромных домиков, два-три бунгало да приземистое строение из серого камня, служившее когда-то сторожкой у ворот давным-давно исчезнувшего особняка. Одно из бунгало, построенное, похоже, в те времена, когда влияние Голливуда распространилось даже на этот затерянный уголок Сассекса, имело широкие панорамные окна, зеленую черепичную крышу и называлось «Белла Виста»

Маленький Ники все еще не спал и сидел со своей матерью в гостиной, обретавшейся в точно таком же беспорядке, как и собственная гостиная Вексфорда, оставленная им всего час назад. Если бы Паркер не представил девушку как свою жену, инспектор принял бы ее за подростка, настолько

молодо она выглядела: гладкий лоб, по-детски пухлые щеки, наивные глаза и густые мягкие локоны. Наверное, она вышла замуж в шестнадцать, хотя и сейчас выглядела немногим старше.

Паркер, яростно подмигивая Вексфорду, произнес:

- Этот джентльмен – доктор, он пришел сообщить, что с той заболевшей леди все в порядке.

Ники спрятал рожицу в материнских объятьях.

- Да-да, – подыграл Вексфорд, – с ней все будет хорошо.

Что же, в каком-то смысле он говорит правду: все самое плохое с ней уже случилось.

- А теперь, Ники, беги к бабуле, она включит тебе телевизор.

Как только мальчик покинул комнату, напряжение спало.

- Спасибо, – поблагодарил Паркер. – Бедный малыш, надеюсь, происшествие на нем не скажется.

- Не волнуйтесь. В конце концов, он еще слишком мал, чтобы читать газеты. Скорее вам надо повнимательнее следить за тем, что он смотрит по телевизору. Ну что ж, приступим. Мистер Паркер, вы сказали, что отец мисс... э-э-э... Комфри находится в больнице. А вы не знаете, где именно?

- В Стовертоне. В госпитале. Несчастье произошло... Когда это случилось, Стел?

- Где-то в мае, – ответила Стелла Паркер. – Мисс Комфри тогда приехала его проведать. Такси подъехало к дому, он его увидел, выскочил навстречу, споткнулся на тропинке и сломал себе бедро. Вот так все и случилось. На том же такси его отвезли в больницу, и с тех пор он там лежит. Я, правда, сама не видела, мне миссис Краун рассказала. С тех пор мисс Комфри разок навещала его. Нельзя сказать, чтобы она сюда приезжала часто, да, Брайан?

– Верно, раз или два в год, не чаще, – кивнул Паркер.

– Я знала, что она приехала вчера. Об этом упомянула миссис Краун, когда мы с ней повстречались на почте. Мол, звонила Рода, она собирается приехать, поскольку у бедного мистера Комфри был удар. Но сама я мисс Комфри никогда не видела, мы с ней не были знакомы.

– Кто такая эта миссис Краун? – спросил Берден.

– Тетушка мисс Комфри. Она живет на вилле «Карлайл», по соседству с мистером Комфри. Вы должны с ней поговорить.

– Мы и собирались, но никого не застали.

– Я вам сейчас кое-что подскажу, – произнесла Стелла, выглядевшая куда сообразительней, чем ее муженек. – Не то чтобы я хочу выставиться, но я прочитала кучу детективов и знаю, что вам теперь нужны... Как это называется? Зацепки, вот. Поэтому вам надо обязательно побеседовать с бабушкой Брайана. Она живет здесь всю свою жизнь с самого рождения.

– Ваша бабушка живет с вами?

– Да, именно она помогла нам купить этот дом, – сказал Паркер, – а потом сама переехала к нам. Мы с ней отлично уживаемся, правда, Стел? Моя бабуля – это что-то.

Вексфорд поднялся с улыбкой.

– Пожалуй, мы с ней побеседуем, но не сегодня. Мистер Паркер, мы вам сообщим о дате процедуры дознания. Конечно, в вашем случае это будет простая формальность. А вы случайно не знаете, когда миссис Краун вернется домой?

– Когда закроются пабы, – ответил Паркер.

– Думаю, теперь нам надо отправиться в больницу, Майк, – сказал Вексфорд. – Согласно приблизительному времени смерти, которое определил Крокер, можно

заключить, что Рода Комфри была убита, когда возвращалась от отца из больницы. Наверное, решила срезать путь от автобусной остановки и пошла по тропинке.

- Время посещения в Стовертоне с семи до восьми вечера, - вспомнил Берден. - Вдруг таким образом нам удастся определить время смерти даже точнее, чем покажет аутопсия?

- Думаю, нам сможет помочь эта самая тетушка, любительница пабов. А если старикан в здравом уме, он скажет нам лондонский адрес дочери.

- Мы должны будем рассказать ему о случившемся, - вздохнул Берден.

Было уже десять минут девятого, и на автобусной остановке возле Королевского госпиталя выстроилась очередь тех, кто сегодня навещал больных. Интересно, не стояла ли точно так же вчера на остановке Рода Комфри? Служащий в регистратуре сказал, что Джеймс Альберт Комфри находится в отделении Литтон. Они прошли по коридору и поднялись на два лестничных пролета. Двойные стеклянные двери, ведущие в отделение, были закрыты. Как только Вексфорд распахнул их, навстречу кинулась медсестра, то ли тайка, то ли малазийка, выговаривая им, что время посещения на сегодня закончено.

- Полиция, - прервал ее Берден. - Нам надо побеседовать с главной медсестрой.

- Пожалуйста, позвоните ей, моя дорогая, - добавил Вексфорд, и медсестра, широко улыбнувшись ему, умчалась.

- Видишь, Майк? Совсем не обязательно грубить.

Девушка вернулась с сестрой Линч - высокой темноволосой ирландкой лет двадцати семи.

- Чем могу служить, джентльмены? - спросила та.

Выслушав объяснения Вексфорда, поцокала языком.

– Какой кошмар! Женщинам уже и по улице спокойно пройти нельзя. Подумать только, лишь вчера мисс Комфри была у нас, навещая своего отца...

– Нам нужно поговорить с ним, сестра.

– Только не сегодня, инспектор. Мне очень жаль, поверьте, однако я не могу вам этого позволить. Если вы сейчас все им расскажете, несчастные старики распереживаются и всю ночь не сомкнут глаз. Через десять минут мое дежурство заканчивается, но завтра утром я сама все расскажу мистеру Комфри, хотя сильно сомневаюсь, что он что-нибудь поймет.

– Старческий маразм?

– Я никогда не понимала значение этого слова, инспектор. Ему восемьдесят пять, он только что перенес удар и почти все время спит. Если это означает находиться в маразме, что ж, пусть будет так. Короче, допрашивая его, вы только потеряете время. Я сама постараюсь все ему объяснить. Что-нибудь еще?

– Нам нужен адрес мисс Комфри.

– Конечно.

Сестра Линч окликнула темнокожую девушку, появившуюся в коридоре с тележкой, уставленной лекарствами.

– Сестра Махмуд, вы не поищете в регистратуре адрес мисс Комфри?

– Вы с ней разговаривали вчера вечером? – спросил у медсестры Вексфорд.

– Нет, только поздоровалась и сообщила, что пожилой джентльмен без изменений. Ну, мы еще потом попрощались. Она разговаривала с миссис Уэллс – койка ее мужа находится рядом с койкой мистера Комфри. А вот и адрес, который вы хотели. Спасибо, сестра. Кингсмаркхэм, улица Лесная, вилла «Карлайл», дом 1. – Сестра Линч осмотрела карточку. – Телефона нет.

– Боюсь, это адрес самого мистера Комфри, и мы его уже знаем, – сказал Вексфорд. – Нам нужен адрес дочери.

- Но ведь это и ее адрес. Его самого и его дочери.

- Нет, - отрицательно качнул головой Вексфорд. - Она жила в Лондоне.

- У нас другого нет, - холодно ответила сестра Линч. - Все, что нам известно, это то, что мисс Комфри жила со своим отцом в Кингсмаркхэме.

- Боюсь, вас ввели в заблуждение. Но ведь вы должны были в случае чего ее известить. Как вы собирались это сделать? Отправили бы ей письмо или телеграмму?

- Но в этом не было никакой необходимости! - воскликнула сестра Линч, начиная, похоже, закипать. - Мисс Комфри связывалась с нами каждый день. Она звонила и в прошлый вторник, когда у ее отца случился удар.

- Вот! А вы говорите, у нее не было телефона. Сестра, мне нужен ее адрес, и я обязан поговорить с мистером Комфри.

Она выразительно глянула на часы и резко бросила:

- Я же все объяснила! Несчастный пожилой джентльмен находится практически в вегетативном состоянии. С таким же успехом вы можете допрашивать мою собачку.

- Ладно. Раз у вас нет адреса мисс Комфри, дайте мне, пожалуйста, адрес миссис Уэллс.

Когда адрес принесли, Вексфорд сказал:

- Мы вернемся завтра.

- Как вам будет угодно, сэра. А теперь, с вашего позволения, я вас покину.

- Давай, топай, - пробурчал Вексфорд, когда они отошли, - лично я даю тебе это позволение с огромным удовольствием.

Потом, обратившись к Бердену, стоявшему с самодовольной физиономией оттого, что наконец-то начальник понял, почему он грубил, добавил:

- Получим адрес у тетки. Странно, что она не оставила его больнице, правда?

- Ну, не знаю. Скорее хитрость, чем странность. Старики иногда совершенно невыносимы, а уход за ними ложится на плечи женщин. Я имею в виду, что рано или поздно старого Комфри должны были выписать, а жить самостоятельно он уже не может. Незамужняя дочь – просто находка для этих лекаришек и социальных работников. Они бы сразу взяли ее в оборот, тогда как от сына в подобной ситуации никто бы ничего не ждал. Если бы Рода дала им свой настоящий адрес, они бы в два счета пристроили туда старикана.

- Вот уж не ожидал услышать от тебя феминистскую пропаганду, – усмехнулся Вексфорд. – Да, жизнь никогда не перестает меня удивлять. А ты не подумал, что мисс Комфри так и так пришлось бы ухаживать за своим отцом? В больнице же уверены, что они живут вместе.

- Какое-то объяснение этому должно быть, но разве это важно?

- Это отклонение от нормы и уже поэтому представляет для меня интерес. Думаю, сейчас нам надо навестить миссис Уэллс, а потом вернемся на Лесную улицу и подождем эту блудную тетку.

Миссис Уэллс было лет семьдесят, и говорила она несколько заторможенно и путано. Да, она встречала Роду Комфри и пару раз говорила с ней, когда та приходила навестить отца. Один раз это случилось в мае и потом еще в июле. Вчера вечером они вместе сели в автобус в четверть девятого. О чем они говорили? Ну, по большей части о ее муже и его операции на бедре. Мисс Комфри была неразговорчива и вообще какая-то нервная и встревоженная. Видимо, беспокоилась об отце. Нет, ее лондонского адреса она не знает и вообще была уверена, что живет мисс Комфри на Лесной улице, куда и направлялась. Миссис Уэллс вышла из автобуса на Кингсбрук-бридж, а та поехала дальше, так как купила билет до следующей остановки.

Когда они вернулись в полицейский участок, выяснилось, что орудие преступления так и не найдено, а обход домов, произведенный Лорингом, Марвудом и Гейтсом, тоже ничего путного не дал. Никто ни в коттеджах, ни в бунгало не видел и не слышал вчера вечером ничего подозрительного. Обитатели одного из домов вообще уехали в отпуск, и даже на участках, как назло, никто не работал. Тем, кого опрашивали полицейские, Рода Комфри была знакома, но только один из них видел ее вчера, когда она выходила из дома отца в 6.20, направляясь к остановке автобусов на Стовертон. Ее лондонского адреса никто не знал.

- Немедленно возвращайтесь на Лесную, - приказал Вексфорд Лорингу, - и дожидайтесь миссис Краун. Я загляну на часок домой перекусить. Когда она появится, звякните мне на домашний номер.

Глава 3

Дора принялась было шить, но потом передумала, и муж, вернувшись домой, обнаружил ее за чтением романа. Впрочем, она сразу же отложила книгу и принесла ему тарелку супа, салат с курицей и фрукты. Он редко говорил дома о работе, разве что в самых критических случаях. Дом для него был тихой гаванью, хотя что знают о гаванях те, кто никогда не плавал по морям? Соответственно он влюбился в женщину, которая могла дать ему эту самую гавань, и женился на ней. Но была ли довольна этим сама Дора? Не считает ли она, что все ее существование состоит из того, что она вечно ожидает его, а как только он входит в дом - обслуживает, в то время как он живет настоящей жизнью? Прежде он как-то об этом не задумывался, и новая мысль вызвала у него тревогу, которая и так не отпускала Вексфорда все последние часы, а теперь вытеснила даже служебные проблемы.

- Что слышно о Сильвии? - спросил он.

- Нил заезжал забрать медвежонка. Бен наотрез отказался засыпать без игрушки. - Дора погладила мужа по руке и накрыла своей ладонью его сжатый кулак. - Не волнуйся за нее. Она уже взрослая женщина и сама справится со своими неурядицами.

– Сын остается для своих родителей ребенком, пока не женится, – возразил муж, – а вот дочка – это навсегда.

– Телефон звонит, – вздохнула Дора, но, как показалось Вексфорду, без особого неудовольствия. – Наша с тобой жизнь измеряется в счетах за телефонные разговоры.

– Не жди меня, я вернусь поздно, – сообщил напоследок Вексфорд.

Было без десяти одиннадцать. Уже стемнело, бескрайнее небо усеивали звезды. В ярком свете луны чернели тени деревьев и решетчатых ворот на Лесной улице. Единственный фонарь освещал каменную ограду в конце тупика. Свет горел и на вилле «Карлайл», тогда как остальные дома погружены были в темноту. Вексфорд подошел к двери из стекла и металла и позвонил. Ему открыла женщина.

– Миссис Краун? – неуверенно спросил он, ожидая, что та скажет «нет» – незнакомка выглядела куда моложе, чем он себе представлял, всего лишь на несколько лет старше его самого. Но женщина кивнула и поинтересовалась, что ему надо. От нее несло джином и пьяной бравадой: она не выказывала ни малейшего страха или подозрительности. По-видимому, смелости ей придал алкоголь, хотя, возможно, это было свойством ее натуры. Вексфорд назваля, и женщина впустила его внутрь. Они вошли в неприбранную гостиную, и инспектор рассказал миссис Краун о случившемся, стараясь говорить осторожно и тактично, хотя сразу понял, что в данном случае особой деликатности не требуется.

– Нет, вы только подумайте! – воскликнула она. – Что творится на свете! Ну надо же – Рода! Не скрою, я прям потрясена. Пожалуй, мне нужно пропустить капельку. Не желаете?

Вексфорд отрицательно мотнул головой, и миссис Краун плеснула себе джина из бутылки, стоящей на дубовом буфете. Буфетная полка вся была испещрена следами капель и кругами от бутылок и мокрых стаканов.

– Впрочем, я не собираюсь разыгрывать перед вами комедию, горем я отнюдь не убита. Мы с Родой никогда не были особенно близки. Где, вы сказали, это

случилось? На тропинке? В общем, рыдать я туда не побегу, можете быть уверены.

Она напоминала свою комнату: такая же маленькая, вся в кричащих тонах и не слишком аккуратная. Нейлоновые чехлы на мебели были того же тускло-желтого оттенка, что и обтягивающее платье миссис Краун, разве что чуть более выцветшие, а вдобавок покрытые черными подпалинами от сигарет. И платье, и чехлы были заляпаны едой и алкоголем. Волосы миссис Краун напоминали букеты из сухих трав, торчащие из зеленых и желтых ваз в ее гостиной: такие же бесцветные, тонкие и ломкие. Зажженная сигарета покачивалась в уголке ярко на помаженного рта. Как и ее племянница, миссис Краун предпочитала алую помаду и такой же лак для ногтей.

– У меня еще не было возможности поговорить с вашим братом, – произнес Вексфорд. – Мне сказали, он не в состоянии понять, что случилось.

– Свояк, если уж на то пошло, – буркнула миссис Краун, – никакой он мне не брат, этот старый хрыч.

– Ах да, конечно, – сказал Вексфорд. – Миссис Краун, уже поздно, а мне бы не хотелось вас задерживать дольше необходимого, поэтому не расскажете ли о том, что делала мисс Комфри вчера вечером?

Она вперилась в него, выпустив через ноздри сигаретный дым.

– А какое это имеет отношение к заколовшему ее маньяку? Ведь убили же из-за денег, разве нет? Рода вечно таскала с собой целую кучу наличных.

Потом, скорчив физиономию чосеровской ткачихи, припомнившей о своих былых проделках, добавила:

– Или вы хотите сказать, ее изнасиловали? Нет, не могу себе такого представить.

Вексфорда поразил ее цинизм.

– Так вы видели ее вчера? – едва сдерживаясь, спросил он.

– Она позвонила в пятницу, сказала, что приедет. Подумала, что я могу разволноваться, увидев свет в соседнем доме, ведь там сейчас никого нет, понимаете? Бог знает, почему ее так это заботило. Я даже удивилась. Сняла трубку, а она и говорит: «Привет, Лилиана. Узнаете меня?» Еще бы я не узнала этот бас и фальшивый акцент, непонятно только, откуда он у нее взялся? Явно не от отца с матерью. Впрочем, вам это не интересно. Короче, вчера в час дня она заявила сюда на такси. Вся расфуфыренная, а сама-то страшна, как смертный грех. Вечно таскается сюда с унылой рожей. Рода ведь никогда не скрывала, что ненавидит это место. Ну, в общем, в натуре она оказалась не такой веселой, как по телефону, словно в воду опущенной, понимаете, о чем я? Уверены, что не хотите капельку? Что ж, а я тогда, с вашего позволения...

Плеснув в стакан куда больше, чем предлагала вначале, Лилиана Краун уместилась на подлокотник софы, закинув ногу на ногу. Ее голени были покрыты варикозными венами, но до сих пор оставались стройными, с высоким подъемом, свидетельствующим, что в молодости Лилиана немало времени провела на танцуйках.

– Она зашла ко мне в четверть седьмого. «Не хотите ли поехать со мной, Лилиана?» А ведь прекрасно знает, что черта с два я с ней поеду. Ну, я ответила, что у меня свидание с одним джентльменом, и это, кстати, было чистой правдой. А ей это совсем не понравилось, всегда мне завидовала. Потом спросила, когда я вернусь, мол, зайдет ко мне и расскажет, как там ее папочка. Я ответила, что в десять, старалась говорить вежливо, хотя после смерти моей бедной сестры плевать я хотела и на нее, и на ее папашу. Короче, вчера она так и не зашла, и свет у них не горел. Я подумала, что она смылась в Лондон, уж я-то ее знаю. И предположить не могла, что случилось эдакое.

Вексфорд кивнул.

– Скорее всего, мне придется побеседовать с вами еще раз, миссис Краун. Кстати, вы не дадите мне лондонский адрес мисс Комфри?

– Да у меня его нет.

– Хотите сказать, вы его не знаете?

– Ну да, именно это я и хочу сказать. Послушайте, я, конечно, живу по соседству с этим старым пнем, но только потому, что мне здесь удобно. Я переехала сюда ради сестры, а когда она умерла, осталась здесь жить, вот и все. Это вовсе не означает, что я с ними близка. Со старым Комфри мы вообще не разговариваем, а что касается Роды... Не хочу говорить плохо о мертвых. Она была дочерью моей сестры, это верно, но мы с ней никогда не ладили. Она уехала отсюда лет двадцать тому, и с тех пор мы встречались дай бог если дюжину раз. Она не сообщила мне ни свой новый адрес, ни номер телефона, а я и спрашивать не собиралась. Если бы у меня был этот адрес, я бы его вам сообщила, не сомневайтесь. Чего мне скрывать?

– По крайней мере, чем она занималась, вы знаете?

– Она у нас деловая, – кисло буркнула Лилиан, – бизнес у нее там какой-то. Наша Рода всегда денежки любила. Но такая сквалыга была, никогда ни отцу, ни мне ни пенса не даст. А ведь старый козел, как ни крути, папаша ейный.

И это она называла не говорить плохо о мертвых... Вернувшись домой, Вексфорд стал обдумывать все, что узнал о Роде Комфри. Женщина среднего возраста, успешная и состоятельная, возможно – владелица собственного бизнеса. Она не любила свой родной городок, вероятно, из-за неприятных воспоминаний, была сдержанной и скрытной, даже адрес свой никому не дала. Умная, жесткая и равнодушная к мнению посторонних о себе людей. С неприятным отцом ее связывал лишь долг, и не более того. Хотя делать далеко идущие выводы было еще рано. Завтра утром он возьмет ордер на обыск в доме мистера Комфри и разыщет там адрес Роды, а также сведения о ее бизнесе, вытащит на поверхность всю ее подноготную. У него было чувство из разряда неподдающихся логическому обоснованию, чего так не любил начальник полиции: мотивы преступления кроются в лондонской жизни мисс Комфри.

Здание полицейского участка Кингсмаркхэма построено было около пятнадцати лет назад. Консервативным горожанам совершенно не понравилась белая коробка с плоской крышей и окнами во всю стену. Но за прошедшие годы березы и лабурнум, посаженные рядом, разрослись и скрыли суровое строение. Кабинет Вексфорда находился на третьем этаже. На стенах, выкрашенных ярко-желтой краской, напоминавшей о лютиках, висели кое-какие карты и красочный календарь с видами Сассекса; на полу лежал новый голубой ковер. Темно-красный палисандровый стол был его собственным, а не принадлежал полицейскому участку. Из широкого окна прекрасно была видна Хай-стрит:

мешанина крыш, а за ними – зеленые холмы. Наступило утро пятницы, 10 августа. Кондиционер был выключен, окно распахнуто настежь.

Следовало ожидать очередной чудесный летний денек, обещанный предыдущей ночью чистым звездным небом и яркой луной. Утром Вексфорд только забежал в свой кабинет и сразу же отправился в стовертонскую больницу. Оказалось, после того, как он ушел, ему принесли одежду, бывшую на Роде Комфри в ночь убийства, и оставили пакет на столе. Вексфорд положил рядом первые выпуски вечерних газет, которые только что купил. Старые девы, пусть даже зарезанные, не интересовали газетчиков: убийству уделили каких-нибудь пару абзацев, причем даже не на первой полосе. Солнце еще не добралось до его кабинета, так что Вексфорд сел у окна в холодке и стал обдумывать то, что удалось узнать.

Итак, Джеймс Альберт Комфри. Зайдя утром в палату, инспектор обнаружил, что кровать старика завешена пологом из цветастого набивного ситца. Руки больного, заскорузлые и узловатые, похожие на крабов, беспрестанно двигались по простыне, время от времени принимаясь тереть красное шерстяное одеяло, потом возвращались обратно к простыне, но лишь для того, чтобы через минуту вновь начать свое бесконечное путешествие. Рот старика был открыт, он хрипло дышал. Его прежде жесткое и решительное лицо сейчас словно оплыло. Вексфорд заметил, что дочь была на него похожа: тот же большой нос, длинная верхняя губа и массивный подбородок.

– Как я и обещала, я рассказала ему о случившемся, но он ничего не понял, – процедила сестра Линч. – Он уже почти ничего не понимает.

– Мистер Комфри, – позвал Вексфорд, склонившись к больному.

– Он вас все равно не слышит, так что поберегите дыхание.

– Хорошо, тогда я бы хотел осмотреть его шкафчик.

– Боюсь, я не могу вам этого позволить, – запротестовала медсестра.

– У меня есть ордер на обыск в его доме. – Вексфорд начал терять терпение. – Вы думаете, мне не выдадут еще один?

– А вы не задумываетесь, что станет со мной, если пациент придет в себя?

– Считаете, он засыплет жалобами руководство больницы?

И, не теряя больше времени на препирательства, Вексфорд открыл нижнее отделение шкафчика. Там не оказалось ничего, за исключением пары тапочек и свернутого халата. Желчная ирландка не спускала с него глаз, пока он перетряхивал халат и шарил по его карманам, которые оказались пусты. Вексфорд аккуратно свернул красный махровый халат с белой вышивкой «Стовертонский госпиталь». Тоже мне, вмешательство в личную жизнь. Похоже, у Джеймса Комфри здесь не было ничего, принадлежащего лично ему. Впрочем, это оказалось не совсем так. В верхнем ящике обнаружилась пластмассовая коробочка со вставной челюстью и очки. Невозможно было представить, что у такого типа, как Комфри, имелась записная книжка. И действительно, в шкафчике ничего больше не нашлось, кроме скомканной бумажной салфетки.

Из больницы Вексфорд ушел в недоумении и растерянности. Наверное, они найдут ее адрес в доме у старика. А если и там его не будет? Тогда, вполне возможно, что статьи в газетах, пусть и краткие, привлекут внимание друзей, служащих или работодателей, то есть тех, кто может заметить ее отсутствие. Он посмотрел на пакет с одеждой. Похоже, ему предстоит целый день копаться в чужих вещах, раскрывая секреты и проникая в альковные тайны.

Одежда Роды Комфри – ее платье, пиджак, туфли и белье – была самой непримечательной и недорогой, какую только могла носить женщина среднего возраста, сохранившая пристрастие к ярким цветам и легкомысленным аксессуарам. Туфли слегка деформированы, – по-видимому, у Роды было плоскостопие. Ни платье, ни белье духами не пахли. Вексфорд осмотрел этикетки, но по ним можно было заключить, что туфли куплены в одном из сетевых магазинов, чье название последние четверть века у всех на устах, а одежда, скорее всего, куплена в одном из многочисленных торговых центров на Оксфорд-стрит или Найтбридж.

В дверь постучали. Это был доктор Леонард Крокер.

- Ну, как дела? - беззаботно поинтересовался тот.

Они дружили всю свою жизнь, еще со школы, когда Леонард Крокер ходил в первый класс, а Реджинальд Вексфорд - в шестой. Обязанность Реджа, которую он тогда люто ненавидел, заключалась в сопровождении проказливого малявки домой, на улицу Помфрет, где в соседнем с Вексфордами доме жила его семья. С тех пор они оба несколько подросли, но Крокер остался таким же шалопаем, как в детстве. Вот только сегодня Вексфорду было не до шуток.

- А сам ты как думаешь? - буркнул он. - Попробуй угадать.

Крокер обошел вокруг стола и взял одну туфлю.

- Старик - мой пациент, ты в курсе?

- Нет, я этого не знал. Надеюсь, ты заявился не для того, чтобы напустить туману? Слышал я уже эти твои глупости: «тайны исповеди», «врач - это все равно что священник» и прочую подобную чушь.

Крокер не обратил на его ворчание никакого внимания.

- Старый Комфри приходил ко мне каждый четверг. Перед тем как сломать бедро, он был совершенно здоров, так, лишь небольшие возрастные проблемы. Приходил больше поболтать, как все старики. Я подумал, что тебе это может быть интересно.

- Ну, если это действительно интересно.

- Он всегда говорил о своей дочери, а ведь это ее убили. Жаловался на то, что после смерти матери она его бросила, не хотела за ним ухаживать, что приезжала раз в год. Только об этом и твердил. И знаешь, как он обо всем этом говорил?

- Больней, чем быть укушенным змеей, иметь неблагодарного ребенка?

Доктор приподнял бровь.

– Отлично сказано, хотя и не в стиле старины Комфри. Где-то я уже это слышал.

– Еще б ты не слышал, – усмехнулся полицейский. – Но не будем углубляться в семейные дразги короля Лира. Значит, ты наверняка знаешь, где жила эта неблагодарная дочь?

– В Лондоне.

– Да неужели?! Если мне еще кто-нибудь это скажет, ей-богу, посажу за мелкое хулиганство. Хочешь сказать, что и ты не в курсе ее лондонского адреса? Лен, этому твоему старикану восемьдесят пять. Представь: тебя вызывают к нему, а он на пороге смерти. И как ты собирался связаться с его дочерью?

– Да не был он ни на каком пороге смерти! Сейчас люди вот так просто не умирают, Редж. Они болеют, потом ложатся в больницу. Подавляющее большинство людей нынче умирает в больницах. Ну а пока длилась бы вся эта канитель, мы бы и выяснили ее адрес.

– А вот не выяснили! – рявкнул Вексфорд. – В больнице ее адреса нет. Ну что скажешь теперь? А мне он необходим позарез.

– Наверняка ты его обнаружишь в доме старого Комфри, – отмахнулся Крокер.

– Будем надеяться. Я как раз сейчас туда отправляюсь.

Доктор соскочил со стола, на котором сидел. Сейчас он до ужаса напоминал того мальчишку, с которым они вместе учились в школе.

– А можно мне поехать с тобой? – с энтузиазмом попросил он.

– Почему нет? Только если пообещаешь никуда там не соваться и не крутиться у меня под ногами.

– Ну, спасибо тебе, друг – сказал Крокер, делая вид, что обиделся. – А тебе известно, что, судя по опросам общественного мнения, терапевты являются самыми уважаемыми людьми?

– Да уж, догадываюсь, что не копы, – ответил Вексфорд.

Глава 4

Как и ожидал инспектор, весь дом Джеймса Комфри пропах старостью, смесью запахов невымытого человеческого тела, вареной капусты и камфоры.

– Интересно, чем питалась моль до того, как люди начали делать шерстяную одежду?

– Наверное, овцами, – пошутил Крокер.

– Думаешь, у овец в шерсти водится моль?

– Бог его знает. Ну и дыра, я тебе доложу!

Они обыскали ящики комодов и столов в двух комнатах на первом этаже, обнаружив целый набор всякого хлама: поломанные ручки и карандаши, бутылочки с засохшими чернилами, лейкопластыри, стеклянные баночки с булавками, горелыми спичками, гвоздями, гайками, болтами и винтиками вперемешку, множество самых разных ключей, пару грязных дырявых носков, старые монетки в один и три пенни, куски проволоки, сломанные часы, стеклянные шарики, горошины, штепсели, крышки из-под молочных бутылок, жестянку, всю перемазанную засохшей голубой краской, очевидно, той самой, которой была выкрашена входная дверь, карточки из сигаретных пачек, крючки для картин и древний поредевший помазок.

– Короче, рассадник заразы, – ворчал Крокер, засовывая в карман десяток флаконов и коробочек с таблетками, которые были расставлены по ранжиру на комод. – Раз уж я здесь, хотя бы заберу эту дрянь. Сколько им ни тверди одно и то же, ни в какую не выкидывают лекарства с истекшим сроком годности. Такая экономия превыше моего понимания. Ведь старики за них даже не платят.

Сверху доносились шаги Бердена, Лоринга и Гейтса. Вексфорд, встав на колени, выдвинул самый нижний ящик. Под воняющими плесенью носками,

пересыпанными шариками нафталина, и полупустым пакетом птичьего корма лежала фотография в овальной рамке. Инспектор перевернул ее. На фото была изображена молодая женщина с короткими темными волосами, тяжелой челюстью, длинной верхней губой и крупноватым носом.

– Похоже, сама мисс Комфри, – сказал он Крокеру.

– Не знаю, я ведь ее видел только мертвой, сам понимаешь, выглядела она при этом несколько иначе. Но поскольку на фото прямо-таки копия старины Комфри, то, скорее всего, это его дочь.

– Да, очень похожа, – задумчиво и немного грустно пробормотал Вексфорд, вспоминая сильно накрашенное, траченное жизнью лицо. – Но это Рода, просто здесь она много моложе.

И все же инспектор не мог отделаться от ощущения, что убитая женщина отнюдь не выглядела грустной. Неживое лицо демонстрировало, что в момент смерти она чуть ли не радовалась.

– Пойдем-ка наверх, – сказал он доктору.

Ванной комнаты в доме не было, уборная располагалась в саду. На лестнице вместо ковра лежал линолеум. Из комнаты, оказавшейся спальней самого Джеймса Комфри, им навстречу вышел Берден.

– Вот уж берлога так берлога, – произнес он. – Во всем доме нет ни одной книги, ни единого письма или открытки.

– Посмотрим в другой комнате, – предложил Крокер.

Комнатушка оказалась крошечной и унылой. На стенах – выцветшие обои с узором из розовых и лиловых цветов душистого горошка, голые половицы выкрашены темно-коричневой краской, на окнах – тонкие выгоревшие занавески, когда-то, вероятно, бывшие розовыми. На кровати, застеленной белым хлопковым покрывалом, лежала выглаженная синяя юбка из синтетики, голубая нейлоновая блузка и пара колготок в пластиковой упаковке. Кроме кровати, в комнате имелись только шкаф и маленький комод, другой мебели не

было. На комод лежал небольшой чемодан. Вексфорд заглянул в него: пара шелковых пижам кремового цвета и куда лучшего качества, чем прочая одежда Роды, резиновые сандалии, сумочка с гигиеническими принадлежностями и больше ничего. Шкаф и комод оказались вообще пустыми. Что же, вот он и обыскал шкафы, но никаких альковных тайн не обнаружил.

– Нет, это невероятно, – сердито произнес он, обращаясь к Крокеру и Бердену. – Она не оставила адреса ни тетке, ни врачам в больнице, где лежит ее отец, ни соседям. Нигде в доме он не записан, у Комфри в палате тоже ничего нет. Наверное, он просто знал его наизусть, тогда ее адрес потерян для нас навсегда. В какую же игру играла эта женщина, черт возьми?

– Вдохлого опоссума[1 - Опоссумы в случае опасности не защищаются, а притворяются мертвыми, издавая при этом сильный неприятный запах, схожий с трупным. «Сыграть в опоссума» – фразеологизм, аналогичный русскому «прикинуться шлангом» (здесь и далее – прим. пер.)], – усмехнулся доктор.

Вексфорд фыркнул.

– Схожу-ка к соседям, а вы разложите все так, как было до нашего прихода. Иными словами, оставьте беспорядок там, где он был. – Инспектор ехидно глянул на Крокера. Их роли поменялись, и в кои-то веки он сам отдавал приказы доктору. – Да, и еще. Нам нужно провести официальное опознание тела. Майк, боюсь, тебя ждет приятное знакомство с некой миссис Краун.

Дверь коттеджа «Белла Виста» открыл Ники Паркер. В коридоре стояла и его мать. Они опять разыграли перед малышом сцену прихода «врача». Почему бы и нет? Разве не врачи – самые уважаемые члены общества? Где-то в доме плакал другой ребенок, а Стелла Паркер выглядела довольно взмыленной. Инспектор как можно любезнее спросил:

– Не могу ли я поговорить с вашей бабушкой? То есть с бабушкой вашего мужа?

Она ответила, что, конечно, это возможно, и повела Вексфорда куда-то в глубину дома. Они вошли в комнату, где в кресле сидела старушка и лущила горох в дуршлаг. Никого старше этой женщины Вексфорд в жизни не видел.

– Бабуля, это полицейский инспектор.

- Добрый день, миссис...

- Бабуля у нас тоже носит фамилию Паркер.

Похоже, здесь вовсю шла подготовка к семейному обеду. С одной стороны кресла на полу стоял сотейник с водой и очищенными картофелинами, а с другой – миска с очистками. Четыре яблока дожидались своей очереди. Сдобное тесто было уже готово и лежало в миске. По-видимому, так старушка в своем более чем преклонном возрасте помогала вести домашнее хозяйство. Вексфорд вспомнил слова Паркера, что его бабуля – это что-то с чем-то. Теперь он убедился воочию, что так оно и есть.

Сначала пожилая женщина делала вид, что не замечает Вексфорда, видимо, разыгрывая роль матриарха семьи. Стелла Паркер вышла и закрыла за собой дверь. Тем временем старушка очистила последний стручок, который был каких-то гигантских размеров, и произнесла, словно они с Вексфордом были добрыми старыми друзьями:

- Когда я была маленькой, существовала примета: если попадается стручок с девятью горошинами, надо положить его над дверью, и первый мужчина, вошедший в дом, окажется твоей истинной любовью.

Она высыпала девять горошин в уже полный дуршлаг и вытерла испачканные зеленю пальцы о фартук.

- И вы тоже так делали, мэм?

- Что? Говорите громче.

- Вы так делали когда-нибудь?

- Я? Нет, я не делала. Мне это не требовалось. Мы с мистером Паркером были обручены с пятнадцати лет. Садитесь, молодой человек, вы слишком высокий, чтобы разговаривать стоя.

Вексфорд был умилен и даже польщен, несмотря на абсурдность ситуации.

– Миссис Паркер... – заорал он, но она тут же перебила его, задав, судя по всему, свой любимый вопрос:

– Знаете, сколько мне лет?

Существует два периода в жизни женщины, когда она хочет, чтобы окружающие считали ее старше, чем она есть: шестнадцать и девяносто. В этих случаях ошибка окружающих показывает, что женщина достигла некой желаемой цели. Но Вексфорд был осторожен и не спешил с предположениями. Впрочем, бабуля не стала дожидаться его ответа.

– Девяносто два! А я до сих пор сама и овощи чищу, и комнату свою прибираю. Я и за Брайаном, и за Ники присматривала, пока Стел в больнице рожала Кэтрин. Хотя тогда мне было всего-навсего восемьдесят девять, что правда, то правда. У меня у самой было одиннадцать детей, и я всех их поставила на ноги. Правда, шестеро уже на том свете, – она подняла на него совершенно молодые голубые глаза, окруженные сеточкой морщинок. – Плохо, когда переживаешь своих деток, молодой человек.

Ее лицо напоминало белую кость, обернутую смятым пергаментом.

– Отец Брайана был моим младшим сыном, в ноябре будет два года, как он нас покинул. Дожил всего до пятидесяти. С тех пор обо мне заботятся Брайан и Стел. Оба они – прекрасные молодые люди.

Наконец она выплыла из лабиринта семейных преданий и вспомнила о госте.

– Так что вам угодно, молодой человек? Стелла сказала, вы из полиции, да? – Она поставила дуршлаг с горохом на пол и спокойно сложила руки на груди. – Это насчет Роды Комфри, верно?

– Вам внук рассказал?

– А то кто же? Еще до того, как выложил все вам, – улыбнулась она, явно гордясь тем доверием, которое ей оказывает внук.

Однако улыбка тут же пропала, и миссис Паркер произнесла несколько на архаичный манер:

– Ее лишили жизни жестоким образом.

– Увы, миссис Паркер. Вы ведь хорошо знали Роду?

– Так же хорошо, как собственных детей. Она всегда навещала меня, приезжая в Кингсмаркхэм. Куда охотнее общалась со мной, нежели со своим отцом.

«Ну, наконец-то!» – подумал Вексфорд, а вслух спросил:

– В таком случае вас не затруднит дать мне ее адрес.

– Что? Говорите громче!

– Ее лондонский адрес!

– Нет, я его не знаю. Да и зачем бы он мне понадобился? Я уж лет десять тому, как не пишу даже открыток, а в Лондон, насколько я помню, писала всего два раза в жизни.

Вот так. Значит, придя сюда, он опять впустую потратил драгоценное время. Между тем старушка продолжала:

– Но я могу вам о ней все рассказать. Все, что вам захочется узнать о ней самой и ее семье. Никто вам больше этого не поведаст. Вы пришли по верному адресу, молодой человек.

– Миссис Паркер, я не думаю, что...

К чему ему все это? Какое это теперь имеет значение? Единственное, что он хотел узнать, был адрес Роды, а вовсе не ее биографию, тем более если эта самая биография будет изложена с многочисленными занудными отступлениями и экскурсами в далекую историю. Но вот как ему это втолковать глуховатой старушке? Оставалось только смиренно слушать, надеясь, что сага не затянется. Миссис Паркер начала свой рассказ:

– Они переехали сюда, когда Рода была еще малюткой. У нее не было ни братьев, ни сестер, поэтому она приходила играть с моими младшенькими. Ее мать, Агнесса Комфри, была из тех бедняжек, которые не способны постоять за себя, а Джеймс Комфри был настоящим тираном. Не то чтобы он бил Роду или Агнессу, но держал их в ежовых рукавицах. Вы уже встречались с миссис Краун? – вдруг резко спросила она.

– Да, – ответил инспектор, – но сейчас...

Господи, только бы она не начала рассказывать еще и биографию тетушки. Миссис Паркер, похоже, не расслышала его слова.

– Ничего, вы еще встретитесь с ней. Эта женщина – позор всей здешней общины, вот кто она такая. Лилиана приезжала навестить сестру еще в те времена, когда был жив ее собственный первый муж. До войны это было. Уже тогда она была чертом в юбке, а вот пить начала позже, после того, как муж погиб под Дюнкерком, а она через три месяца после этого родила мальчика. Ладно, будем считать, что родила от мужа, поскольку доказательств иного у нас все равно нет. Мальчонка родился слабоумным. Несчастное дитя! Джон, вот как они его назвали. Так что она с маленьким переехала сюда и поселилась вместе с четой Комфри. Агнесса приходила ко мне и жаловалась, что волнуется за свою сестру, так как из-за ее поведения Джим грозился выкинуть Лилиану из дома. А кончилось все тем, что она повстречалась с этим Крауном, они поженились и купили пустующий дом по соседству с Комфри. И знаете, что тогда сделала миссис Краун?

Вексфорд помотал головой, разглядывая горку гороха, которая почему-то его завораживала.

– Так я вам скажу. Она отправила маленького Джона в приют. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы мать сотворила такое злодейство? А маленький Джонни был до того ласковый, как все дауны, и Роду очень любил, она всюду брала его с собой, ни капельки не стесняясь слабоумного братика.

– А сколько лет было Роде, миссис Паркер? – спросил инспектор, лишь бы что-нибудь сказать. И тут же пожалел об этом, потому что ему пришлось проорать свой вопрос дважды, прежде чем получить ответ, который, в общем-то, был ему неинтересен.

– Ну, двенадцать ей было, когда Джонни родился, значит, когда Лилиана сдала его в приют, шестнадцать исполнилось. В школе она еще училась. Когда ей было четырнадцать, отец захотел, чтобы школу она бросила, в те времена в четырнадцать-то уже можно было и не ходить. Но к ним пришла сама директриса, мисс Фаулер, и упросила Джима позволить Роде продолжить учение, потому что девочка больно смышленная. Ну, тогда он уступил, а вот в колледж ее все равно не отдал, сказал, чтобы шла работать и сама зарабатывала себе на жизнь, старый скряга.

Было душно, миссис Паркер все бубнила и бубнила, так что Вексфорд уже почти перестал прислушиваться к бесконечному повествованию.

– Она начала работать в магазине... но ей-то, Роде, значит, хотелось не этого... запиралась в спальне и читала... французский сама выучила, заметьте... курсы машинисток...

Как же ему узнать этот чертов адрес? Попытаться отследить по биркам на одежде или обуви? Да нет, невозможно. Дребезжащий старческий голос не умолкал.

– Не красавица, конечно... парня не было... Лилиана вечно язвила, мол, когда ж ты жениха заведешь... секретаршей... бедняжка стала одеваться, как сестра, яркая одежда, высокие каблуки и лицо намазанное, как...

Может, обратиться в прессу? Опубликовать фото с подписью «Кто знает эту женщину?» Правда, фотография у них старая.

– У Агнессы приключился рак... к докторам не ходила... операция... слишком поздно... Рода осталась одна со стариком...

Опубликовать фото мертвой женщины ему никто не позволит, впрочем, он и сам на такое не пойдет. Хоть бы эта миссис Паркер договорилась до чего-нибудь путного, но ей, судя по всему, надо было поведать историю еще пары десятилетий.

– И осталась бы, как пить дать... прислуживала бы ему... связанная по рукам и ногам обстоятельствами... получила эти деньги...

– Как вы сказали?

– Хм, похоже, здесь не одна я туга на ухо, молодой человек, – фыркнула миссис Паркер.

– Ох, извините меня, мэм. Повторите, пожалуйста, что вы сказали о деньгах?

– Нужно быть повнимательнее, когда с вами разговаривают, а не витать в облаках. Я же вам говорю: деньги она выиграла в лотерею. Они на работе объединились в этот, как его там? Лотерейный...

– Лотерейный синдикат?

– Да, вроде так. Старый Джим Комфри гоголем тогда ходил. Помнится, говорит моему старшему сыну: «Ну, теперь-то я заживу!» Только ошибся он. Рода собрала свои нехитрые пожитки, да и уехала. А он уже видел себя в новом доме, с машиной и всем таким прочим.

– И сколько же?

– Чего – сколько? Сколько она выиграла? Многие тыщи. Хотя Рода мне не докладывала, а сама я не спрашивала. Как-то вечером приходит она ко мне, я тогда еще жила в конце улицы, приходит, и чемодан в руках. Ей тогда тридцать было, то есть ровно двадцать лет тому назад оно случилось. Мы ведь родились с ней в один день, вы это знали? Аккурат пятого августа, только я на сорок два года раньше. Ну, так вот, приходит Рода ко мне и говорит: «Уезжаю я, тетушка Ви. В Лондон, судьбу свою искать». Оставила мне адрес отеля, попросила забрать из дома ее книжки и отправить туда. Ага, как же! Джим Комфри снес их в сад да скопом и сжег. Словно вчера это было, Рода прямо перед глазами стоит: каблуки высоченные, и ходить-то на них толком не умела, платье все в оборочках, бусы и ногти красные, будто краской какой испачкалась, и...

– А вчера вы ее не видели? – заорал Вексфорд, прервав словоохотливую миссис Паркер. – Точнее, уже позавчера?

– Нет, не видела, даже не знала, что она приехала. Рода обязательно бы пришла меня навестить, если б не этот треклятый убийца...

– Чем она собиралась заняться в Лондоне?

– Хотела в журналистки поступить. Вот так-то. Работала сначала секретаршей у издателя, а потом начала и статьи писать. Да я же вам об этом рассказывала, а вы, оказывается, все мимо ушей пропустили.

– Но миссис Краун сказала мне, что у нее было свое дело, – озадаченно произнес инспектор.

– Не знаю, что вам и ответить на это. Но если вы поверили Лилиане, значит, легковверный вы человек. Рода стала журналисткой, и отличной притом. Она мне говорила, что у нее прекрасный дом, и что тех денег, которые она выиграла, и ее зарплаты...

– В какой газете она работала, миссис Паркер? – снова завопил Вексфорд. – Не знаете, хоть примерно, где был расположен ее дом?

Миссис Паркер с достоинством выпрямилась, сделавшись похожей на герцогиню.

– Бог свидетель, – холодно произнесла она, – я надеюсь, вы никогда не оглохнете, молодой человек, но только так вы бы поняли, что это значит – быть глухой. Половину того, что вам говорят, вы просто не слышите, а ведь прерывать и переспрашивать нельзя, иначе все сразу решат, что ты выжила из ума, понимаете? Рода говорила, что пишет немного там, немного сям, что ходила туда или сюда, рассказывала, что купила или не купила для своего дома, и какой он у нее красивый, этот дом, и как много прекрасных друзей она себе завела. Мне всегда нравилось ее слушать, нравилось, что она с удовольствием общается с такой старой перечницей, как я. Но я хорошо знаю, что не расслышала и половины того, о чем она рассказывала.

– Мне пора, мэм. – Вексфорд встал, чувствуя себя выжатым, как лимон.

– Ну, не смею вас задерживать, – язвительно произнесла бабуля Паркер и довольно бодро добавила: – Вы меня просто до смерти утомили, молодой человек, развопились тут, как раненый бык. Окажите услугу, передайте это Стелле и скажите, пусть принесет противень.

И она сунула ему в руки кастрюлю с картошкой.

Глава 5

А что, если Рода работала независимой журналисткой?

После пресс-конференции во второй половине дня в пятницу он задал этот вопрос Гарри Уайльду из «Кингсмаркхэмского курьера» и еще единственному присутствующему журналисту от одной из центральных газет. Но ни тот, ни другой о Роде Комфри никогда не слышали, хотя Гарри и припомнил страшенькую темноволосую девушку по фамилии Комфри, работавшую секретарем у издателя почившего в бозе «Вестника».

– Ладно, – сказал Вексфорд Бердену, – пойдём-ка в «Оливу», промочим горло, мы это заслужили. Найди мне Крокера, он должен быть где-то здесь и умирает от любопытства, желая узнать результаты аутопсии.

Они разыскали доктора и втроем отправились в «Оливу и голубку», где устроились за столиком в саду. Лето в этом году выдалось просто редкостное. Иностранцы не верят, что в Англии может быть такая погода, хотя каждый англичанин среднего возраста, покопавшись в памяти, без сомнения может припомнить, что раза три-четыре такое уже случалось. Яркое солнце светило неделями напролет, на небе не было ни облачка. Даже герани выросли до пяти футов, а фуксии цвели повсюду, словно в оранжереях. Все трое мужчин были сейчас без пиджаков, а доктор, словно подросток, и вовсе щеголял в футболке с короткими рукавами. В этой футболке он даже делал обходы, чем приводил в умиление пожилых пациенток.

Вексфорд взял сухого белого вина, холодного настолько, насколько служащие «Оливы и голубки» могли его охладить в эту жару. Этим вечером оно было

охлаждено до температуры человеческого тела. Что до пива, то он себе позволял кружечку лишь изредка, и только когда Крокера, этого безжалостного эскулапа, поблизости не наблюдалось. Некоторое время назад инспектору диагностировали легкую форму тромбоза. С тех пор доктор непрерывно твердил, что любые излишества могут спровоцировать очередной приступ.

Вексфорд начал с поздравления Крокера с тем, как тот точно определил время смерти. Выдающийся местный патологоанатом, проводивший вскрытие, написал в заключении, что смерть наступила между семью и половиной десятого вечера.

– Думаю, наиболее вероятно, что ее убили в половине девятого, то есть когда она шла от автобусной остановки, – добавил Вексфорд и глотнул вина. – Она была крепкой и сильной женщиной, по крайней мере до тех пор, пока в нее не воткнули нож. Один удар пробил легкое, второй – сердце, левый желудочек. За исключением этого, никаких следов болезней или патологий. Разве что... Боюсь, в наши дни это можно считать аномалией.

– Ты о чем? – спросил Крокер.

– Она была девственницей.

Берден, известный своими пуританскими взглядами, резко поднял голову.

– Святые небеса, она же была одинокой женщиной, разве не так? Что происходит с нашим миром, если совершенно естественное для одинокой женщины состояние воспринимается как патология?

– Так и знал, что ты это скажешь, Майк, – усмехнулся Вексфорд. – Хотя немного надеялся, что промолчишь. Я бы с тобой согласился, если бы все это случилось лет сто назад, пятьдесят или даже двадцать. Тогда – да, для женщины ее возраста такое было бы нормально, но не сейчас.

– Это совершенно нехарактерно даже для современной пятнадцатилетней девчонки, я тебе как врач говорю, – ввернул Крокер.

– Посмотрим на это с другой стороны. Когда она ушла из дома, ей было тридцать, в те времена нынешняя свобода отношений еще только зарождалась.

У нее водились кое-какие деньжата, да и дуэньи, понятное дело, у нее не было, жила она одна. Пусть даже ее нельзя назвать красавицей, но ведь не уродиной же она была. Разве это не странно, что с тех пор у нее не случилось ни одного романа? Ну, хотя бы из любопытства, что ли?

– Наверное, она была фригидна, – предположил Крокер. – Многим кажется, что современные люди только и делают, что прыгают из одной постели в другую. Вы бы удивились, если бы узнали, скольких людей совершенно не интересует секс. Особенно среди женщин. Они обычно делают вид, что наслаждаются, а сами предпочли бы посмотреть телевизор.

– То есть старина Актон[2 - Уильям Актон (1813–1875) – британский врач, автор ряда книг о гинекологии и общественной морали.] был прав? – спросил Вексфорд и процитировал по памяти: – «Женщина скромная мало обеспокоена сексуальным желанием. Она подчиняется своему мужу лишь из побуждений сохранения семейной гармонии и желания материнства, в противном случае она бы с негодованием отвергла его притязания».

Берден залпом осушил свой стакан и соорудил такую мину, словно принял горькое лекарство. Он начал работать в полиции еще в те времена, когда Рода Комфри только освободилась от деспотичного отца. Полицейский видел изнанку человеческой природы, был знаком со всевозможными грехами, но, несмотря на все это, в отношении вопросов пола до сих пор оставался прежним, считая секс чем-то двойственным, одновременно священным и постыдным. Майк никогда не читал причудливого труда викторианского врача «Функционирование и расстройства репродуктивных органов», проникнутого духом мужского шовинизма, чопорного и совершенно ошибочного с точки зрения биологии, но если бы он сам взялся за перо, наверное, написал бы то же самое, слово в слово. Вексфорд и Крокер по какой-то непонятной ему причине были знакомы с книгой и развлекались тем, что цитировали отрывки, смеялись и закатывали глаза. Он резко оборвал их веселье:

– Мне кажется, это не имеет никакого отношения к убийству Роды Комфри.

– Ну да, скорее всего ты прав, Майк. Это мелочь, особенно учитывая то, что мы до сих пор не знаем ни ее адреса, ни друзей. Впрочем, надеюсь, завтра загадка разрешится.

– А что такого особенного должно произойти завтра?

– А завтра это никому не интересное убийство в захолустном городке попадет на первые полосы столичной прессы. Я был весьма откровенен с газетчиками, особенно с Гарри Уальдом, которому пообещал всю эксклюзивную информацию. Думаю, я дал им то, что они желали. Даже ту фотографию с условием, что она будет использована по назначению. Я буду чертовски удивлен, если завтра мы не увидим в газетах заголовков вроде: «Двойная жизнь убитой» или «Секреты женщины, заколотой кинжалом».

– Ты рассчитываешь, – догадался Берден, – что ее соседи, работодатели или какой-нибудь молочник прочитают статьи и свяжутся с нами?

Вексфорд кивнул:

– Что-то вроде того. Я дал газетчикам номер телефона, по которому можно будет позвонить и передать любые сведения об убитой. Понимаешь, те, кто ее знал, могли прочитать о ее смерти в сегодняшних газетах, но они не в курсе, что у нас до сих пор нет никакой информации, даже адреса.

Доктор встал и отправился за новой выпивкой для всех.

– На нас обрушится шквал звонков от всяких психов, – покачал головой Берден. – Нам будут звонить мужья, жены которых сбежали от них двадцать лет назад, всякие там параноики и охотники за жареными фактами.

– С этим ничего не поделаешь. Придется как-то отделить агнцев от козлиц. Бог знает, сколько раз нам уже приходилось этим заниматься.

Газетные статьи всецело оправдали ожидания Вексфорда. Журналисты пошли даже дальше, чем он предполагал: первые полосы пестрели самыми странными и дичайшими заголовками. И если фотография оказалась отретуширована почти до неузнаваемости, то тексты не могли не привлечь внимания знакомых Роды. Было поведаано о ее жизни в Кингсмаркхэме, работе в «Вестнике», болезни отца. Таким образом, общение инспектора с миссис Паркер и миссис Краун принесло все-таки определенную пользу.

На следующий день в девять утра начал звонить телефон. Домашний аппарат Вексфорда вчерашним вечером звонил до поздней ночи, но все это были журналисты, желавшие узнать какие-нибудь новые подробности, причем все как один утверждали, что Рода Комфри в их издании не работала. На Флит-стрит[3 - Флит-стрит - улица в Лондонском Сити, за которой закрепилась репутация цитадели прессы.] ее никто не знал.

Приехав на работу, Вексфорд поручил Лорингу связаться со всеми лондонскими газетами, пока он сам будет говорить со страждущими по выделенной линии. Каждый звонок, который содержал хоть малейший намек на возможность получения подлинной информации, переключали на Вексфорда. Берден, естественно, оказался прав: психи были тут как тут. Позвонил некий «спирит», у которого пятнадцать лет назад пропала сестра и который был уверен, что Рода Комфри - ее реинкарнация. Позвонил мужчина, которого бросила мать, когда ему было двенадцать. Еще один звонивший утверждал, что у него пропала жена, но эта самая «пропавшая» тут же выхватила трубку, извинилась и объяснила, что мужа только что выписали из дурдома. Еще был звонок от «провидца», предложившего определить адрес женщины по ауре ее одежды.

Ни один из этих типов не был переключен на инспектора, хотя ему о них и докладывали. Сам он поговорил с Джорджем Роулэндсом, бывшим издателем «Вестника», который смог вспомнить только, что Рода была отличным секретарем и имела способности к писательству. Вексфорд побеседовал с каждым из тех звонивших, кто был хотя бы в здравом уме, но ничего путного за целый день так и не узнал. Его оптимизм улетучивался с каждым звонком.

Наступила пятница - день дознания.

Процедура прошла быстро и без заминок, разве что Брайан Паркер выразил недовольство черствостью коронера. В ответ тот рявкнул, что здесь суд, а не детский сад. Коронер полагал, что недостаток улики связан с тем, что Брайан трогал одежду убитой.

Телефон звонил несколько раз и в субботу, но никто из обратившихся в полицию не знал Роду Комфри лично, не жил с ней по соседству и вместе не работал. С полицейским участком не связался какой-нибудь управляющий банка с сообщением, что именно у него Рода держала свои деньги. Не дождалась она звонка и от человека, у которого она могла снимать квартиру.

– Бред какой-то, – ворчал Вексфорд, – я уже подумываю, не обитала ли она в палатке в Гайд-парке?

– Возможно, она жила под вымышленным именем, – отозвался Берден, наблюдавший в окно за тем, как из стовертонского автобуса вышла женщина, чем-то похожая на Роду Комфри, и пошла по направлению к Лесной улице. – А мне казалось, что газетчики подняли глупую шумиху, описывая ее «тайную жизнь». И ты с ними заодно.

Он приподнял бровь и оглянулся на Вексфорда.

– Я?! Поднимаю глупую шумиху? Ну, спасибо тебе, Майк.

– Я имел в виду, что ты впадаешь в мелодраму, – исправился Берден, попытавшись подсластить пилюлю. – А оказалось, нет. Ни они, ни ты. Интересно, зачем ей все это было нужно?

– Да все из того же «мелодраматизма», как ты выразился. Не хотела, чтобы люди, помнившие ее как Роду Комфри, узнали, чем она занимается. Шпионаж, наркотрафик, рэкет, девушка по вызову... Что-то в этом духе.

– Послушай, я не хотел сказать, что ты всегда преувеличиваешь. Будем считать, что я ошибся, идет? Мне тоже приходила идея с девушкой по вызову, только вот старовата она для этого была, ну и...

– Что «ну и...»? Что в таком случае она была бы единственной проституткой-девственницей в Лондоне? Ты это хочешь сказать, Майк? А что, вот такая необычная идея. В наши развращенные времена это было бы весьма пикантно. Я с ходу могу придумать целую уйму возможностей, но не хотелось бы вгонять тебя в краску. Ладно, поговорим теперь серьезно.

– А я и был серьезен, – мрачно буркнул Берден, садясь напротив Вексфорда и ставя локти на стол. – Ее убили в понедельник вечером. Сегодня уже воскресенье, а мы до сих пор не выяснили, где она жила. Не слишком-то обнадеживающе.

– Ты не прагматик, а пораженец, Майк. Если мы не узнали ничего о ней по словесному портрету и имени, значит, пойдём другим путем. Отрицательный результат – тоже результат. По крайней мере, мы уже выяснили, что убийство связано с ее «второй» жизнью. Тайная жизнь почти всегда объясняется чем-нибудь незаконным, а следовательно, Рода совершила что-то, что побудило кого-то ее убить.

– Хочешь сказать, что мы должны учитывать эту самую «тайную жизнь», рассматривая те косвенные или вещественные улики, которые у нас имеются?

– Какие еще улики? Орудие убийства не найдено, свидетелей нет, нет даже намёка на мотив.

Поколебавшись секунду, Вексфорд добавил:

– Она редко сюда навещалась, но все-таки пару раз в год бывала. Местные знали ее в лицо, знали, кто она такая. Не думаю, что это тот случай, когда человек, вернувшись в родные края после долгого отсутствия, сталкивается со своим заклятым врагом, если использовать романтические термины. Ее настоящая жизнь, ее работа, интересы, окружение – все это находилось не здесь, все это было там, в Лондоне.

– То есть ты абсолютно исключаешь какую-то местную подоплеку события?

– Да. Я считаю, убийца знал, что она сюда приедет, и проследил за ней, может быть, даже сначала не намереваясь убивать. Он или она приехали из Лондона, потому что с Родой этот человек должен был познакомиться именно там. Так что забудь о местных, Майк. Мы должны все разузнать о лондонской жизни Роды, и у меня есть план. Нам поможет бумажник, который лежал у нее в сумочке.

– Да? Ну, выкладывай, – со вздохом ответил Берден.

– Он у меня здесь, – сказал Вексфорд и вытащил бумажник из ящика стола. – Видишь надпись, вытесненную золотом? «Силк и Уайтбим».

– Вижу. И что? Извини, но мне это ни о чем не говорит.

– А то, что это – магазин кожаных изделий на Джермин-стрит. Бумажник новый, следовательно, если нам повезет, продавец может вспомнить, кто его купил. Я еще утром отправил Лоринга в Лондон. У мисс Комфри на прошлой неделе был день рождения. И если она не сама себе его купила, то, вполне возможно, мы выйдем на человека, который купил его ей в подарок.

– В подарок?! Бумажник в подарок женщине?

– А почему бы нет? Если ей как раз нужен был бумажник? Женщины точно так же носят с собой деньги, как и мужчины. Времена, когда им дарили лишь флакончики духов и брошки, давно миновали, Майк. Женщины теперь тоже считаются людьми, знаешь ли. *Sic transit gloria mundi*[4 - Так проходит земная слава (лат.)].

– Если ты спросишь меня, то я тебе отвечу, что воскресенье тоже уже прошло, – усмехнулся Берден.

Вексфорд рассмеялся. Его друг и подчиненный никогда не переставал его удивлять.

Глава 6

Стоило Вексфорду войти в дом, как из кухни выглянула Дора, поманила его за собой и плотно прикрыла за ним дверь.

– Сильвия здесь, – прошептала она.

Ничего странного в том, что дочь заехала навестить их в воскресный вечер, не было, и Вексфорд недоуменно спросил:

– И что такого? К чему все эти секреты?

– Она бросила Нила. Ушла из дома после обеда и вот приехала к нам.

– В каком смысле «бросила»? Ты серьезно? Вот так просто взяла и бросила? Вернулась к матушке под крылышко? Не могу в это поверить.

– Дорогой, я не шучу. Судя по всему, они ссорились всю эту неделю, с того самого вечера. Он обещал свозить ее в сентябре в Париж. За детьми присмотрела бы его сестра. А потом сказал, что ничего не получится, так как ему надо ехать по делам в Швецию. В результате Сильвия заявила, что не может больше целыми днями торчать дома с детьми и что они должны, наконец, взять няню, чтобы она имела возможность выходить из дома и поступить на какие-нибудь курсы. По ее словам, хотя, может, Сильвия и преувеличивает, Нил рывкнул, что не собирается платить кому-то за работу, которую должна выполнять жена, а при нынешней безработице, какие бы курсы она ни закончила, все равно работу потом не найдет. Последовала дискуссия о роли мужчин и женщин в браке, о том, что последним приходится жертвовать собой, в общем, ты можешь себе представить. Сегодня утром Сильвия объявила Нилу, что если для него она всего лишь няня и домработница, то с таким же успехом она может исполнять эти роли и в родительском доме. Ну вот, она здесь.

– Где она сейчас?

– В гостиной, а Робин с Беном играют в саду. Не знаю, поняли ли мальчики, что произошло. Дорогой, только не ругайся с ней, пожалуйста.

– Когда это я ругался с детьми? Скорей уж был чересчур покладист, позволяя делать все, что заблагорассудится. Я должен был воспротивиться еще тогда, когда она собиралась выскочить замуж в восемнадцать лет.

Зашли в комнату. Сильвия стояла спиной к ним. Она повернулась и сказала:

– Привет, пап.

– Плохо дело, Сильвия.

Вексфорд души не чаял в обеих своих дочерях, но его любимицей была Шейла, их младшая. Она сделала карьеру, однако, несмотря на все трудности, осталась доброй и славной девочкой. Она была очень похожа на отца, но хотя Вексфорда никто в здравом уме не назвал бы красивым, Шейлу красавицей признавали все. Что до Сильвии, то ее строгие, классические черты лица напоминали о бабушке

по материнской линии, а величественная осанка наводила на мысль о профилях на английских монетах времен королевы Виктории. Сильвия вела спокойную и застрахованную от опасностей большого мира жизнь в своем родном городке. Шейла сразу бы подбежала к отцу, обняла бы его и назвала папочкой, а старшая дочь просто стояла с трагическим выражением лица, опершись белой рукой о каминную полку, напоминая мраморную статую.

– Понимаю, ты не слишком рад меня видеть, папа, – произнесла она. – Но мне некуда больше идти. Я постараюсь как можно быстрее найти работу и какое-нибудь жилье себе и мальчикам.

– Не говори со мной таким тоном, Сильвия. Пожалуйста, не надо. Это твой дом. Или я чем-то обидел тебя, что ты так со мной разговариваешь?

Она даже не шевельнулась, только на глазах появились слезы и медленно потекли по щекам. Вексфорд подошел к ней и обнял. Он и сам с трудом мог вспомнить, когда вот так обнимал дочь в последний раз. Наверное, много лет назад, еще до ее замужества. В итоге она смягчилась и обняла его в ответ, да так крепко, что у Реджа перехватило дыхание. Она всхлипывала на его плече, а он прижимал ее, бормоча слова утешения этой беглой нимфе пяти футов ростом. Он говорил ей те же слова, что и двадцать лет назад, когда она падала и разбивала коленки.

К вечеру понедельника расследование так и не сдвинулось с мертвой точки. Телефоны продолжали звонить, но чем дальше, тем ненормальнее оказывались звонившие. Ни в одной газете, журнале или пресс-агентстве не знали Роду Комфри ни как штатного корреспондента, ни как внештатного. Она не была даже членом Национального союза журналистов. Констебль Лоринг ранним поездом уехал в Лондон, чтобы посетить магазин на Джермин-стрит.

Мысли о домашних неурядицах и вынужденное ожидание настолько раздражали Вексфорда, что он жалел, что не отправился в Лондон лично. Дочь он любил, но заставить себя ей сочувствовать не мог. Робину и Бену сказали, что папа уехал по делам, поэтому они с мамой пока проживут здесь, и если маленький Бен принял объяснение без вопросов, то Робин был достаточно большим, чтобы понимать, что происходит на самом деле. Несомненно, он не раз становился

свидетелем ссор между родителями и слышал, что, если бы не он с братом, мама могла бы вести куда более интересную и насыщенную жизнь. Теперь мальчик с потерянным видом слонялся по дому. Если бы они разыскали этого «дядюшку Крыса», возможно, это отвлекло бы ребенка от грустных мыслей, но чертово животное никак не попадалось им на глаза.

Сам Нил тоже до сих пор не объявился. Вексфорд был уверен, что зять навестит их хотя бы для того, чтобы продолжить ссору и взаимные обвинения, но тот так и не появился, даже по телефону не позвонил. Сильвия, утверждавшая, что не хочет его больше видеть, явно хандрила из-за его отсутствия и даже принялась обвинять родителей в том, что они разрешили ей выйти за Нила замуж. Дора провела бессонную ночь, в результате Вексфорд тоже не смог заснуть еще и потому, что дом был маленький, и он все время слышал шаги Сильвии, расхаживающей туда-сюда по своей комнате.

Лоринг вернулся в двенадцать, то есть настолько рано, насколько было возможно. Вексфорд даже пожалел об этом, потому что не мог сорвать злость на излишне расторопном констебле. Дальше так продолжаться не могло, поэтому ему пришлось взять себя в руки и как можно дружелюбнее спросить:

– Ну, как съездили, Лоринг? Разузнали что-нибудь?

– В каком-то смысле, сэ. Бумажник они сразу опознали. Эту модель больше не выпускают, у них оставался последний экземпляр. Его купили в четверг четвертого августа.

– И чего вы скромничали, констебль? Черт возьми, наконец-то хоть что-то сдвинулось с места!

Лоринг выглядел довольным, хотя и сомневался, что в полной мере заслужил похвалу.

– Бумажник приобрела не Рода, – торопливо добавил он, – это был мужчина, тип по имени Гренвиль Уэст. Он их постоянный клиент, все время покупает у них в магазине всякие штуковины.

– Адрес взяли?

– Лондон, улица Зеленых Вязов, дом 22. Это в Кенбурне.

Вексфорд не был большим специалистом по лондонской топографии, но район Кенбурн-Вейл знал хорошо. Перед глазами сразу же возникла улица, располагавшаяся в миле от большого кладбища. Он представил пол-акра зеленой травы и, собственно, растущие там вязы, белую ограду, ряд домов времен короля Георга, на первых этажах которых в основном располагались лавочки и магазинчики. Довольно уютное местечко, настоящий зеленый оазис среди убогих окрестностей Кенбурна.

Это было настоящей удачей, что с таким трудом найденный свидетель оказался именно из тех мест. Вексфорд не сомневался, что в расследовании ему поможет племянник, сын покойной сестры, суперинтендант тамошнего отдела уголовного розыска Говард Форчун. Правда, сейчас он находился в отпуске на Канарских островах, но это ничего не значило: многие его люди отлично знали Вексфорда и были его добрыми приятелями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rut-rendell/dremluschaya-zhizn-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Опоссумы в случае опасности не защищаются, а притворяются мертвыми, издавая при этом сильный неприятный запах, схожий с трупным. «Сыграть в опоссума» – фразеологизм, аналогичный русскому «прикинуться шлангом» (здесь и далее – прим. пер.).

2

Уильям Актон (1813–1875) – британский врач, автор ряда книг о гинекологии и общественной морали.

3

Флит-стрит – улица в Лондонском Сити, за которой закрепилась репутация цитадели прессы.

4

Так проходит земная слава (лат.).

Купить: <https://telnovel.me/ru/rut-rendell/dremlyuschaya-zhizn-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)